

Созерцание тишины

“Шопениана Михаила Плетнева” в БЗК

“...Его клавиши и педали охватывают весь духовный космос, его регистры почти бесчисленны, игрой на этом инструменте можно воспроизвести все духовное содержание мира”. Слова Германа Гессе – концентрированное выражение того, что услышали мы в двух концертах под общим титулом “Шопениана Михаила Плетнева”, посвященных учителю Плетнева – покойному Евгению Михайловичу Тимакину. Название цикла дала прозвучавшая в первый вечер “Шопениана” Глазунова (на мой взгляд, не очень удачно оркестрованные пьесы Шопена разных жанров). Ее исполнили Российский национальный оркестр под управлением Андриса Нелсонса. И хотя молодой, двадцатилетний латвийский дирижер старался своими темпераментными жестами возместить неуклюжесть и тяжеловесность оркестровки, об этом цикле слушатели быстро забыли, ибо пришли слушать “Шопениану” Плетнева.

Впервые в Москве пианист играл два фортепианных концерта Шопена. Переполненный Большой зал консерватории кипел и волновался, ожидая сенсации. Во-первых, всех интересовал вопрос, почему Плетнев вдруг обратился к подобному циклу. Интерес этот, как мне кажется, был вызван тем, что до сих пор существует мнение, согласно которому личность Плетнева не очень-то входит в резонанс с музыкой Шопена. К тому же афиши гласили, что концерты прозвучат в новой оркестровой редакции самого Плетнева.

Плетневская версия – тонкая, деликатная и минимальная редакция оркестровых партий. Для не очень искушенного слушателя все перемены, скорее всего, остались незамеченными. И это очень хорошо. Переделывая, Плетнев исходил из духа музыки Шопена, но никак не из желания себя показать. Изменения были направлены на то, чтобы сделать оркестр более прозрачным, легким, разнообразным по краскам, более логичным в использовании того или иного тембра. Но что особенно важно – все изменения были связаны с плетневской интерпретацией шопеновских концертов, в частности с его особым интересом к тембральной стороне исполняемой музыки.

“Шопениана” подтвердила мое давнее мнение: Плетнев принадлежит к числу великих шопенистов. Он открыл нам нового Шопена, принадлежащего XXI веку, избавленного от заезженных штампов в интонировании, от привычной сочной экспрессии, “жирного” мазка, множества динамических “вилочек” в каждой фразе и многого другого. Те, кому посчастливилось присутство-

вать на его монографических концертах, посвященных Шопену в начале 80-х годов, имеют прекрасную возможность сравнить. Я бы сказала, что юный Плетнев играл не юношески мудро, зрело и уже оригинально настолько, что мало кто мог его понять и принять. А сейчас меня поразило то, что зрелый пианист играл концерты Шопена с юношеской свежестью, непосредственностью, словно он перевоплотился в двадцатилетнего влюбленного Шопена. Мелодии редкой красоты, которыми насыщена музыка двух концертов, уникальные даже для Шопена, дали возможность пианисту раскрыть все свое изумительное искусство интонирования, полное одухотворенной поэзии. Высказывания Плетнева были настолько душевны и интимны, словно он беседовал наедине лично с тобой и тебе дарил кусочек своей трепетной души, тебе тихим голосом доверял свои горести и радости. И удивительно, что эта затаенная речь, игра чутким, бережным прикосновением пальцев к клавишам, способна сильнее всего воздействовать на эмоции современного слушателя. Потому что все уже устали от высшей шкалы звучностей, которая сопровождает нашу жизнь. Душа запросила музыки тишины. И Плетнев погрузил нас в бескрайнюю тишину, в созерцание тишины, когда звук оказался уже на грани исчезновения. И как сказал один из молодых слушателей после концерта, – “тишина в музыке Плетнева – это как прозрение и откровение, как исцеление, как итог человеческой жизни”. А еще одна слушательница – Мишель Берлиоз, жена французского консула в Москве – со свойственной французам меткостью произнесла: “Мне кажется, что вчера (на первом концерте) артист беседовал с Богом. А сегодня – с самим Шопеном”.

В виртуозных пассажах, которыми изобилуют быстрые части двух концертов, феерическая легкость, воздушность парадоксальным образом сочеталась у пианиста с интонационной насыщенностью. Это были даже не пропеты, а говорящие пассажи. Они нам все время что-то доверительно рассказывали, ни на мгновение не теряя нити рассказа, неуклонно ведя к кульминационной точке. И совершенно неотразим был Плетнев в передаче танцевальной стихии в финалах двух концертов. Эта поистине завораживающая поэзия танца способна была околдовать и самых недоверчивых к плетневскому Шопену слушателей. Будь то мазурка, полонез или краковяк – в них слышалось восхитительное чувство ритма при полной свободе, непринужден-

ности движения, танцевального жеста, в котором преобладали то светская изысканность и пленительная элегантность, то задор и юмор народного танца. И все это было озвучено во множестве разнообразных тембров. Тембрирование рояля – редкостная способность Плетнева – и здесь он порастил нас выдумкой, фантазией: заставлял рояль звучать то как челеста или арфа, как скрипка или флейта, а то как человеческий голос, словно в его руках был орган с множеством регистров. Неудивительно, что подобная изысканность в звучании требовала новой оркестровки. Надо отметить, что молодой и, несомненно, талантливый дирижер А.Нелсонс чутко вел оркестр в концертах Шопена, прекрасно чувствуя особый пульс игры Плетнева, справляясь с его многочисленными и подчас неожиданными rubato. Я думаю, что все, к чему стремился в новой оркестровке Плетнев, оркестру удалось реализовать. Звучал он прекрасно: легко, прозрачно, реагируя на все исполнительские тонкости пианиста.

Прелюдии Шопена! Эти гениальные миниатюры через предельную концентрацию интонации пианист превратил в маленькие поэмы. Напряженно вслушиваясь в каждый звук, он приоткрыл и масштабность чувств композитора, трагизм его души, польский шарм, польский горделивый дух и захватывающие контрасты настроения, переходы от тихой грусти к всплескам внезапной радости, от нежных пасторалей – к бурным взрывам отчаяния. Если в интерпретации двадцатилетней давности акцент был сделан на мажорном ряде прелюдий, они особенно захватывали новизной прочтения, то сейчас и мажорный, и минорный ряд находились в полном равновесии, и все прелюдии словно слились в единую многоликую поэму великого поэта фортепиано Фридриха Шопена.

...После исполнения Первого концерта зал аплодировал стоя и так настойчиво, что Плетнев вопреки своему обыкновению был очень щедр на бисы. Сначала он сыграл финал концерта, потом вторую часть, а затем, вызвав невероятный энтузиазм зала, повторил первую. И почти столь же щедр был Плетнев на следующий день, повторив вторую и третью части Второго концерта. Это, конечно, была сенсация. К тому же там, где ее не ждали... Причем повторное исполнение было иным, еще более совершенным, еще более захватывающим, проникающим в самую душу.

Людмила КОКОРЕВА

Кучура - 2004 - 8-8 Дек - с.9